

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 28

ВЫПУСКНОЙ

Мурат Карадениз ✦

Мурат Карадениз

Выпускной

<https://litres.ru/74225679>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ночь выпускного в школе 14 умирает ученик. Остановка сердца. Несчастный случай — таков вердикт врачей. Но учитель истории Максим Нестеров находит в руке погибшего записку: «Они знали. Все знали. Я не первый».

Он начинает расследование. В школьном архиве — акт о смерти ученика ровно двадцать лет назад. Та же дата, та же школа, та же причина. Затем ещё одно дело, ещё на двадцать лет старше. Цепь, уходящая в XIX век. Письма, в которых перед смертью написано одно и то же: «Я узнал правду».

Кто-то могущественный не хочет, чтобы правда всплыла. Максима предупреждают, угрожают, пытаются остановить. Свидетели умирают, улики исчезают. Каждый шаг приближает его к разгадке. Но цена этой правды — его жизнь. Сможет ли он собрать пазл, прежде чем станет следующим?

«ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ МОЛЧАНИЯ	14
Глава 1	14
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Выпускной ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Время: 23 июня 2025, 23:47

Место: Великие Луки, школа №14, спортивный зал

Максим Нестеров вышел из актового зала, прикрыв за собой дверь. Музыка — что-то медленное, с надрывом — осталась за ней, приглушённая, будто накрытая одеялом. В коридоре было тихо и душно. Июньская жара не отпускала даже ночью. Он провёл ладонью по лицу, снимая испарину, и пошёл к лестнице на первый этаж.

Двадцать третий год он работал в этой школе. Восемнадцать лет учителем истории. Пять лет классным руководителем. Он знал каждую трещину на стенах, каждую скрипучую половицу на втором этаже. Знал, как пахнет школа в разное время года: осенью — мокрыми куртками и хлоркой, зимой — еловыми ветками и мандаринами, весной — цветами, которые старшеклассницы таскали на последние звонки. Летом, в ночь выпускного, пахло потом, духами и счастьем. Или должно было пахнуть счастьем.

Максим спустился на первый этаж. Здесь было ещё тише. Гул голосов из актового зала доносился только отголосками. Он шёл по коридору мимо раздевалок, мимо учительской, мимо кабинета биологии, который он ненавидел в школьные годы за запах формальдегида. Теперь он почти не замечал

этого запаха.

Спортивный зал был в конце коридора. Максим толкнул массивную деревянную дверь — она открылась с привычным скрипом, как открывалась всегда, сколько он себя помнил. Он шагнул внутрь.

В спортзале было темно. Только тусклый аварийный свет над запасным выходом отбрасывал бледный прямоугольник на бетонный пол. В этом освещении огромный зал казался бесконечным — стены уходили в темноту, кольца висели неподвижно, как гильотины. Максим сделал несколько шагов. Пол пахнул мастикой и старым деревом. Стритбольная разметка почти стёрлась, но он знал её наизусть — разметил эту площадку сам четыре года назад, когда школьный бюджет позволил наконец обновить покрытие.

Он собирался проверить выход на улицу. В прошлом году кто-то из выпускников сломал замок, и с тех пор дверь закрывалась не до конца. Максим обещал себе перед выпускным принести новый замок, но закрутился, забыл. Теперь он шёл через тёмный зал, чтобы хотя бы подпереть дверь стулом.

Он прошёл мимо шведской стенки. Деревянные перекладины пахли старой краской и потом. Он почти миновал их, когда услышал звук.

Тихий, хриплый. Как будто кто-то пытался вдохнуть, но в груди было пусто.

Максим остановился. В тишине спортзала звук был отчёт-

ливым. Он повернул голову.

У шведской стенки, на полу, лежал Алексей Громов.

Максим узнал его сразу. Высокий парень, худой, с тёмными кудрявыми волосами. Учился в 11 «А», выпускной класс. Максим вёл у них историю последние два года. Алексей был тихим, замкнутым, но внимательным — всегда сидел на первой парте, всегда записывал, никогда не перебивал. У него были хорошие оценки, но ни одного яркого достижения. Он просто был. Существовал. Затерянный среди громких одноклассников.

Теперь он лежал на полу, и его глаза были открыты.

Максим подошёл ближе. Ноги не слушались. Сердце забило где-то в горле. Он опустился на колени рядом с парнем.

Лицо Алексея было бледным, почти белым. Губы — синие, с сизым отливом. Максим вытянул руку, коснулся шеи. Пальцы нащупали кожу — холодную, безжизненную.

Пульса не было.

— Нет, — прошептал Максим. — Нет, нет.

Он склонился над Алексеем, запрокинул ему голову, зажал нос и начал делать искусственное дыхание. Рот ко рту. Чужой холод. Запах — странный, горьковатый. Он вдвух воздух в лёгкие парня, и ничего не происходило. Грудная клетка не поднималась. Он начал надавливать на грудь — раз, два, три. Считал вслух. Пот снова выступил на лбу.

— Давай, — хрипел он. — Давай, Алексей.

Ничего.

Он бил по груди, сжимал рёбра, пытался заставить сердце биться. Глаза Алексея смотрели в потолок. В них не было страха. Не было боли. Только пустота.

Максим выпрямился. Руки дрожали. Он смотрел на тело и не мог поверить. Двадцать минут назад он видел Алексея в коридоре. Тот стоял с одноклассниками, слушал их, улыбался. Улыбался той своей тихой, робкой улыбкой. «Поздравляю», — сказал тогда Максим. Алексей кивнул и сказал: «Спасибо, Максим Андреевич». Всё. Больше ничего.

Теперь он лежал здесь. Мёртвый.

Максим встал. Он не знал, сколько прошло времени — минуты, две, пять. Он смотрел на тело и не знал, что делать. Он хотел крикнуть, позвать на помощь, но голос не слушался. Он просто стоял, глядя на Алексея.

Потом он заметил что-то в его руке.

Правая ладонь была сжата. Крепко, судорожно. Как будто он цеплялся за что-то в последний миг. Максим снова опустился на колени, осторожно разжал пальцы. Они были уже жёсткими, негнущимися. Он отогнул их один за другим.

В ладони лежал клочок бумаги. Скомканный, мокрый от пота. Максим взял его, развернул. На бумаге было написано от руки — неровным, дрожащим почерком:

«Они знали. Все знали. Я не первый».

Максим смотрел на слова. Они не имели смысла. Кто знал? О чём? Он не понимал. Но под пальцами он чувствовал, как бумага шершавая, как чернила размазались — от

влаги или от того, что Алексей сжимал её слишком сильно.

Он поднял глаза. Свет аварийной лампы падал на шведскую стенку. На деревянных перекладинах он заметил царапины. Свежие. Белые полосы на старой краске. Будто кто-то судорожно цеплялся за них, пытаясь удержаться.

Или отбивался.

Максим перевёл взгляд на тело. На шее Алексея он заметил маленькое красное пятно. Как укус комара. Или след от укула. Он наклонился, чтобы рассмотреть ближе.

В этот момент за его спиной раздался звук.

Шаги. Тихие, но отчётливые. Кто-то вошёл в спортзал.

Максим обернулся.

В дверях стояла Татьяна Владимировна Прокофьева. За-вуч школы. Она была в тёмно-синем костюме, гладко причёсана, без единой морщинки. Она всегда выглядела так, будто только что вышла из кабинета начальника. Взгляд у неё был холодный, спокойный.

Она посмотрела на тело Алексея. Потом на Максима.

Её лицо не выражало ничего.

— Максим Андреевич, — сказала она. Голос ровный, как у диктора на радио. — Идите к детям. Я вызову полицию.

Максим не двигался. Он смотрел на неё. Она не спросила, что случилось. Она не спросила, как он себя чувствует. Она не удивилась.

Она просто знала.

— Татьяна Владимировна, — начал он, но она перебила:

— Я позвоню в скорую. Полицию. Идите. Сейчас. Я всё сделаю.

Она говорила без паники, без суеты. Голос её был таким же, как всегда, когда она объявляла педсовет или проверяла журналы. Она стояла, сложив руки перед собой, и смотрела на Максима с лёгким нетерпением.

— Алексей мёртв, — сказал Максим. Слова прозвучали глухо, будто издалека.

— Я вижу, — ответила Татьяна Владимировна. — Идите. Я вызову полицию.

Она уже доставала телефон, нажимала кнопки. Максим смотрел на её руки. Они не дрожали. Она не торопилась. Просто набирала номер, как будто делала это каждый день.

Максим поднялся с колен. Бумага всё ещё была зажата в его кулаке. Он не знал, показать ли её Татьяне. Но в тот момент он почему-то спрятал её в карман брюк.

Он обошёл тело и пошёл к выходу. Рядом с Татьяной он остановился.

— Вы не спросили, что случилось, — сказал он.

Она подняла на него глаза. На одно мгновение ему показалось, что в них мелькнуло что-то — раздражение? Усталость? Но она улыбнулась. Тонко, официально.

— Я знаю, что случилось, Максим Андреевич. Это несчастный случай. У мальчика остановилось сердце.

— Откуда вы знаете?

— Я вижу, — сказала она просто. — Идите. Я всё решу.

Максим вышел в коридор. Дверь за ним закрылась. Он слышал, как внутри зазвучал голос Татьяны — она говорила с диспетчером, коротко, чётко: «Скорая, школа номер четырнадцать, молодой человек, остановка сердца».

Максим пошёл по коридору. Ноги ватные. В горле пересохло. Он сжимал бумагу в кармане, чувствуя, как края впи-
ваются в ладонь.

Из актового зала всё ещё доносилась музыка. Там танцевали. Смеялись. Никто не знал.

Он почти дошёл до лестницы, когда увидел его.

Виктор Сергеевич. Учитель физкультуры. Он стоял в проёме двери раздевалки, бледный, как стена. Белая рубашка навыпуск, волосы встрепаны, очки съехали набок. Он смотрел на Максима широко открытыми глазами.

Максим подошёл ближе.

— Вы видели? — спросил он. — В спортзале?

Виктор не ответил. Он смотрел на Максима, и его губы дрожали.

— Максим, — наконец выговорил он. Голос его был хриплым, почти неслышным. — Это опять.

Максим замер.

— Что? Что — опять?

— Как в девяносто пятом.

Виктор сорвал очки, провёл ладонью по лицу. Взгляд у него был безумный. Он посмотрел по сторонам, будто проверяя, не слышит ли кто, и шагнул к Максиму вплотную.

— Как в девяносто пятом, — повторил он шёпотом. — Я видел. Я тоже видел тогда. Там. В спортзале. Так же.

Максим не понимал.

— О чём вы говорите, Виктор Сергеевич? Какой девяносто пятый? Выпуск?

— Девяносто пятый год, — сказал Виктор. Голос его сорвался на фальцет. — Дмитрий Соболев. Тоже выпускник. Тоже в спортзале. Тоже ночью.

Максим смотрел на него. Имя Дмитрий Соболев всплыло в памяти где-то на задворках. Он слышал его раньше. Где-то в архиве. В документах, которые видел один раз.

— Я не знаю, — сказал Максим. — Я не был тогда.

— Я был, — сказал Виктор. — Я был. Я видел. И я ничего не сделал.

Он отшатнулся, прижался спиной к стене.

— Я ничего не сделал, Максим. Я просто смотрел. И молчал. Как все.

В этот момент из актового зала выбежала девушка — одна из выпускниц. Она кричала что-то про скорую, про то, что кто-то умер. За ней — другие. Голоса, плач, топот. Коридор заполнился людьми.

Виктор Сергеевич уже не стоял рядом. Максим повернулся — его не было. Он ушёл, исчез в толпе, как будто его смыло.

Максим остался стоять у стены. В кармане хрустела бумага. Он достал её, развернул. Неровные буквы: «Они знали.

Все знали. Я не первый».

Кто был первым? Он не знал.

Но он узнает.

ЧАСТЬ 1. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ МОЛЧАНИЯ

Глава 1

Время: 24 июня 2025, 08:30

Место: Великие Луки, школа №14, кабинет истории

Максим сидел за своим столом уже три часа. Он не сомкнул глаз с той минуты, как вышел из спортзала. Ночь он провёл в учительской, на старом диване, который помнил ещё советские времена. Спать не хотелось. Тело ныло от напряжения, но разум отказывался отключаться.

За окном стояла июньская жара. Солнце уже поднялось над крышами, заливало кабинет жёлтым, тягучим светом. Пыль танцевала в воздухе. Школа опустела. Выпускники разъехались кто куда. Учителя разошлись по домам. Только он остался.

На столе лежала коробка. Он планировал собрать вещи вчера, до выпускного, но закрутился, забыл. Теперь он сидел и перебирал бумаги, фотографии, старые журналы — всё, что накопилось за восемнадцать лет работы. Восемнадцать лет в этой школе. Двадцать три, если считать, что он пришёл

сюда сразу после университета, в 2002 году, молодым, зелёным, с горящими глазами и папкой методичек.

Он вынул из коробки старую фотографию. Выцветшая, с жёлтыми краями. Выпуск 1995 года. Снимок был сделан на крыльце школы. Все стояли в три ряда — учителя сзади, выпускники спереди. Солнечный день, улыбки, цветы.

Максим смотрел на лица. Некоторых он знал. Нонна Григорьевна стояла во втором ряду, молодая, с тёмными волосами, ещё без палки. Рядом с ней — директор Илья Ефимович, уже тогда старый, с седой шевелюрой. А в первом ряду, среди выпускников, стоял парень с кудрявыми волосами и застенчивой улыбкой.

Максим узнал его сразу.

Дмитрий Соболев.

Тот самый Дмитрий Соболев, который, по словам Виктора Сергеевича, умер в девяносто пятом. В ту же ночь. В том же спортзале.

Максим перевернул фотографию. На обратной стороне было написано от руки: «Выпуск 1995. Школа №14. 23 июня». Всё. Никаких имён, никаких примечаний. Просто дата.

Он положил фотографию на стол и закрыл глаза. Перед глазами всё ещё стояло лицо Алексея Громова — бледное, с синими губами и открытыми глазами. Те же кудрявые волосы. Та же худоба. Те же глаза, только у Алексея они были карие, а у Дмитрия — серые, как на фото.

Похожи.

Они были похожи.

Максим открыл глаза и посмотрел на шкаф в углу кабинета. Старый, металлический, с облупившейся зелёной краской. Он стоял здесь ещё до того, как Максим пришёл в школу. Внутри хранились папки с архивом — документы выпускников, характеристики, медицинские карты. Всё, что накопилось за десятилетия.

Он не открывал этот шкаф уже года два. Не было нужды. Но сейчас он поднялся, подошёл к нему и дёрнул за ручку.

Металл лязгнул. Дверца открылась, пахло пылью и старой бумагой. Максим провёл пальцами по корешкам папок. 1985, 1987, 1990, 1993. Он нашёл 1995 год. Папка была толстая, с выцветшей надписью «11-Б». Он вытащил её, положил на стол и открыл.

Внутри лежали списки выпускников, табели успеваемости, характеристики, написанные от руки. Он листал, просматривал фамилии. Соболев Дмитрий Алексеевич. Он нашёл его характеристику. «Способный ученик, склонен к гуманитарным наукам. Трудолюбив, но замкнут. Поддерживает хорошие отношения с одноклассниками. Рекомендован к поступлению в педагогический университет».

Всё как у всех.

В самом низу папки, под остальными бумагами, лежал сложенный вчетверо лист. Максим вытащил его и развернул. Это был акт о смерти.

Он смотрел на пожелтевшую бумагу, на машинописный текст, на подписи. «23 июня 1995 года. Ученик 11 «Б» класса Соболев Дмитрий Алексеевич найден мёртвым в спортивном зале школы №14. Причина смерти — острая сердечная недостаточность, вызванная аллергической реакцией на неизвестный раздражитель. Предположительно — передозировка лекарственных препаратов».

Максим перечитал три раза. Слова не менялись. Те же формулировки. Та же причина. Остановка сердца.

Он провёл пальцем по подписям. Врач — неразборчиво. Директор — Илья Ефимович Лебедев. Тот самый директор, который стоял на фотографии вторым рядом. Тот же человек, который подписывал акт о смерти Алексея Громова? Нет. Илья Ефимович умер в 2010 году. Но подпись была его.

Максим перевернул лист. С обратной стороны, на обороте, был ещё один лист. Приклеенный. Он осторожно отделил его и развернул.

Это было письмо. Написанное от руки, неровным почерком. Сверху дата: «22 июня 1995».

«Я узнал правду о 1975 годе. Теперь я понимаю. Я должен рассказать. Я не могу молчать. Если вы читаете это, значит, меня уже нет. Они знали. Все знали. Я не первый. Не позволяйте этому повториться. Дмитрий».

Максим смотрел на слова. Они были почти идентичны тем, что он нашёл в руке Алексея. Те же формулировки. То же ощущение обречённости. «Я не первый».

Он сжал бумагу в руке. Пальцы дрожали.

Кто был первым?

1975 год. Дмитрий писал о 1975 годе. Значит, там был кто-то до него. Ещё одна смерть. Ещё один выпускник.

Максим поднял голову. В кабинете было тихо. Только вентиляция гудела где-то в стене. Он посмотрел на дверь. Он точно помнил, что закрывал её, когда входил. Задвижка была повёрнута.

Теперь дверь была приоткрыта.

На пару сантиметров. Тонкая щель, через которую можно было видеть только кусок пустого коридора.

Максим медленно встал. Подошёл к двери, толкнул её. Она открылась полностью. В коридоре никого не было. Пустые стены, выключенный свет. Только утреннее солнце падало из окон, отражалось от линолеума.

Но на полу он увидел след.

Мокрый след от обуви. Свежий, блестящий. Он начинался у его двери и уходил в сторону лестницы. Кто-то стоял здесь. Слушал. Смотрел через щель.

Максим вышел в коридор, посмотрел в обе стороны. Никого. Только эхо собственных шагов.

Он вернулся в кабинет, закрыл дверь. На этот раз — задвинул задвижку до конца. Он посмотрел на письмо в руке. Потом на акт о смерти. Потом на фотографию.

«Они знали. Все знали. Я не первый».

Он сжал бумагу и убрал её в карман. Кто-то знал. Кто-то

стоял у его двери и слушал. И этот кто-то не хотел, чтобы он нашёл то, что нашёл.

Но Максим уже нашёл.

И он не собирался останавливаться.

Глава 2

Время: 24 июня 2025, 10:00

Место: Великие Луки, квартира Максима, ул. Некрасова,
д. 12

Максим захлопнул за собой дверь и прислонился к ней спиной. Квартира встретила его тишиной и спёртым воздухом. Он не был здесь больше суток — с утра двадцать третьего, когда уходил на выпускной. На кухонном столе стояла кружка с остывшим чаем, на дне которой уже образовался тёмный налёт. В комнате пахло пылью и старой бумагой — он не успел проветрить.

Он прошёл в комнату, сел за стол и положил перед собой телефон. На экране были фотографии документов, которые он сделал в архиве. Акт о смерти Дмитрия Соболева. Письмо. Характеристика. Всё, что он успел снять, пока в кабинете было тихо и никто не входил.

Он перечитал письмо снова. В десятый раз. В двадцатый. Слова не менялись: «Я узнал правду о 1975 годе. Теперь я понимаю».

Что случилось в 1975 году?

Максим родился в 1984-м. Для него 1975-й был просто датой в учебнике истории. Год, когда случилось что-то далёкое, не имеющее к нему отношения. Холодная война, кос-

мос, застой. Но в этой школе что-то случилось. Что-то, что убило Дмитрия Соболева. Что-то, что заставило его написать это письмо.

И что-то, что убило Алексея Громова через тридцать лет. Максим провёл ладонью по лицу. Глаза жгло от недосыпа. Он не спал почти тридцать часов. Но чувства усталости не было. Только пульсирующее напряжение в висках и сухость во рту.

Он открыл ноутбук. Старая модель, ещё с 2018 года, с залипшими клавишами и потёртым корпусом. Он нажал на кнопку, дождался загрузки, открыл браузер и вбил в поисковую строку: «школа №14 Великие Луки 1975 смерть ученика».

Поиск выдал пустоту. Ни одной новости, ни одного упоминания. Только ссылки на общие сайты города, на школьные программы, на список выпускников. Ничего о трагедии.

Он переформулировал запрос: «Великие Луки выпускной 1975 происшествие». Снова пусто. Как будто ничего не было. Как будто Дмитрий Соболев умер не в школе, а вообще не существовал.

Максим откинулся на спинку стула. Это было странно. В городе, где все друг друга знают, смерть семнадцатилетнего парня не могла остаться незамеченной. Должны были быть газетные статьи. Записи в городском архиве. Хотя бы упоминания в школьной хронике.

Но ничего не было.

Он вспомнил, что в подвале школы хранятся старые газетные вырезки. В прошлом году он помогал библиотекарю разбирать архив и видел коробки с подшивками местных газет за 70-е и 80-е годы. Он тогда не обратил внимания — просто помог перенести их в подвал и забыл.

Теперь он знал, что должен туда вернуться.

Он закрыл ноутбук и встал. Тело затекло. Он подошёл к окну, выглянул во двор. Улица Некрасова была тихой, зелёной. Старые тополя упирались в небо. Во дворе играли дети, где-то лаяла собака. Обычный летний день в провинциальном городе. Никто не знал, что в школе, в двух кварталах отсюда, умер выпускник.

И никто, казалось, не хотел об этом говорить.

Максим отошёл от окна и вернулся к столу. Он снова взял телефон, пролистал фотографии. Акт о смерти. Подпись врача. Подпись директора. Илья Ефимович Лебедев.

Он знал это имя. Лебедев был директором школы с 1960 по 1998 год. Он не дожил до 2010-го, умер в возрасте восьмидесяти двух лет. Но подпись на акте была его. Илья Ефимович подписал документ о смерти ученика и похоронил эту историю на тридцать лет.

Или на дольше, если Дмитрий не ошибался. Если в 1975-м была ещё одна смерть.

Максим набрал в телефоне новый запрос: «Великие Луки 1975 смерть школьника». Без названия школы. Через несколько секунд поиск выдал одну короткую заметку в го-

родской газете за 1975 год, оцифрованную в каком-то архиве. Максим открыл ссылку.

«23 июня. В школе №14 при неизвестных обстоятельствах скончался ученик 10 «А» класса. Причина смерти устанавливается. Администрация школы воздержалась от комментариев».

Всё. Три строчки. Ни имени, ни подробностей. Только дата и факт смерти.

Максим смотрел на экран. Те же формулировки. Та же дата. Та же школа.

В этот момент телефон в его руке завибрировал. Он подпрыгнул от неожиданности, чуть не уронил его. На экране высветился незнакомый номер. Городской. Он не знал его.

Он нажал на зелёную трубку.

Тишина.

Максим прижал трубку к уху, прислушался. На том конце было тихо. Только лёгкое дыхание — или ему показалось.

— Алло? — сказал он.

Молчание.

— Кто это?

Снова тишина. Потом голос. Женский, старческий, слегка хриплый. Он был знакомым, но Максим не мог понять, чей именно.

— Максим Андреевич, — сказал голос. — Вы нашли то, что не должны были. Положите обратно. Не трогайте архив. Ради вашей жизни.

Максим замер. Сердце ухнуло вниз.

— Кто это? — спросил он. Голос дрогнул.

На том конце повисла тишина. Потом щелчок. Короткие гудки. Трубку положили.

Максим смотрел на экран. Звонок был с городского номера. Он набрал код, проверил — номер принадлежал школе №14.

Он встал, подошёл к окну. Во дворе никого не было. Только дети, всё так же игравшие в мяч, и женщина, сидящая на скамейке с коляской.

Кто-то в школе знал, что он взял документы. Кто-то видел его у шкафа. Кто-то позвонил и предупредил.

«Ради вашей жизни».

Он сжал телефон в руке. Потом открыл его, нашёл контакты. Остановился на имени «Виктор Сергеевич». Учитель физкультуры. Тот, кто шепнул ему в коридоре: «Это опять. Как в девяносто пятом».

Максим нажал на вызов.

Трубку взяли не сразу. Гудки шли долго, и Максим уже начал сомневаться, что ответят. Потом — щелчок, и голос Виктора: хриплый, уставший, испуганный.

— Да?

— Виктор Сергеевич, это Максим. Извините, что беспокою.

— Что случилось? — голос дрогнул.

— Мне только что позвонили. С номера школы. Сказали,

чтобы я не трогал архив. Ради моей жизни. Вы знаете, кто это мог быть?

На том конце повисла тишина. Долгая, тягучая. Максим слышал только дыхание Виктора.

— Не знаю, — наконец сказал тот. — Но я вам говорил. Не лезьте. Это не ваше дело.

— Это моё дело, — сказал Максим. — Алексей был моим учеником. Я видел его мёртвым. И я нашёл письмо от 1995 года.

— Какое письмо?

— От Дмитрия Соболева. Там написано, что он узнал правду о 1975 годе. Скажите мне, что случилось в 1975 году? Тишина. Потом Виктор выдохнул.

— Я не могу говорить по телефону.

— Тогда где? Когда?

— Сегодня вечером. Восемь часов. У меня дома. Я дам адрес.

Он назвал адрес — улица Пушкина, дом 7, квартира 18. Быстро, почти шёпотом. Потом добавил:

— Приходите один. И никому не говорите. Если кто-то узнает...

— Я буду, — сказал Максим.

Виктор положил трубку. Максим смотрел на телефон. На экране высветился незнакомый номер. Школьный. Тот самый, с которого ему звонили.

Он нажал на кнопку блокировки и убрал телефон в кар-

ман.

За окном стоял июньский день. Жара, солнце, зелень. Дети продолжали играть в мяч. Обычный город, обычная жизнь.

Но Максим чувствовал, что эта жизнь перестала быть обычной.

Он посмотрел на фотографию на столе. Дмитрий Соболев, кудрявый, худой, с застенчивой улыбкой. Он не знал, что умрёт через день.

И Алексей Громов, такой же кудрявый, такой же худой, тоже не знал.

Две одинаковых смерти с разницей в тридцать лет. Письма с одинаковыми фразами. И предупреждение, которое только что пришло по телефону.

Максим знал одно: он не остановится. Кто-то хотел, чтобы он замолчал. Но он не мог. Слишком много было поставлено на карту.

Он взял ключи, вышел из квартиры и захлопнул дверь. До вечера у него было время.

Глава 3

Время: 24 июня 2025, 16:30

Место: Великие Луки, школа №14, подвал

Максим вернулся в школу в четыре часа дня. Солнце уже начало клониться к закату, но жара не спадала. Воздух был тяжёлым, липким, как сироп. Он прошёл через пустой вестибюль, мимо закрытой гардеробной, мимо стенда с фотографиями выпускников. На снимках улыбались лица, которые он видел вчера живыми. Среди них был и Алексей.

Он не стал смотреть на них. Прошёл мимо.

Лестница в подвал находилась в конце коридора, за дверью с табличкой «Служебное помещение. Посторонним вход воспрещён». Дверь была не заперта. Он толкнул её, и она открылась с протяжным скрипом, который разнёсся эхом по бетонным стенам.

За дверью начиналась лестница. Крутая, с ржавыми перилами и стёртыми ступенями. Он спустился вниз, в полумрак. Свет из коридора почти не проникал сюда. В подвале было темно и сыро.

Пахло плесенью, старой бумагой и чем-то металлическим — может быть, трубами, может быть, ржавчиной. Максим достал телефон и включил фонарик. Узкий луч выхватил из темноты бетонные стены, затянутые паутиной, и длинные

стеллажи, заставленные коробками.

Он пошёл вдоль первого стеллажа, разглядывая надписи на картонных коробках. «Бухгалтерия 1985-1990», «Инвентарные ведомости», «Старые журналы». Ничего нужного. Он прошёл дальше, ко второму стеллажу. Там стояли коробки с надписями «Школьная жизнь», «Фотоархив», «Стенгазеты».

Он остановился у коробки с надписью «Школьная жизнь 1970-1990». Открыл её. Внутри лежали подшивки, потёртые альбомы, папки с фотографиями и стенгазетами. Он начал перебирать их. Сверху — альбом с выпускными фотографиями 1978 года. Он отложил его. Дальше — стопка стенгазет, пожелтевших, с выцветшими заголовками.

Под ними он нашёл то, что искал.

Подшивка местной газеты «Великолукская правда» за 1975 год. Бумага была жёлтой, ломкой, края обтрепались. Он осторожно открыл подшивку, пролистал страницы. Январь, февраль, март. Ничего необычного. Апрель, май. Обычные городские новости, сводки, объявления.

Он дошёл до июня.

На странице за 23 июня он увидел некролог. Короткий, всего в несколько строк, набранных мелким шрифтом. Он поднёс телефон ближе и прочитал:

«Ушёл из жизни ученик 10 «А» класса средней школы №14 Сергей Волков. Светлая память о нём навсегда останется в сердцах учителей и одноклассников. Прощание состо-

ится 25 июня в 11:00 в здании школы».

Всё. Ни слова о причине смерти. Ни слова о том, что случилось. Только дата и имя.

Максим перевернул страницу. На следующей, под новостями о сельском хозяйстве, он увидел заметку. Короткую, на полполосы, без подписи автора. Заголовок был набран крупным шрифтом:

«Ещё одна трагедия в школе №14?»

Он прищурился, читая. Текст был написан в стиле риторического вопроса, без прямых обвинений:

«В ночь выпускного в средней школе №14 скончался ученик 10 класса Сергей Волков. Причина смерти не разглашается. Администрация школы отказывается от комментариев. Это уже не первый случай. В 1955 году в этой же школе при аналогичных обстоятельствах скончался ученик Николай Воронов. Что происходит в школе №14? И почему никто не говорит правду?»

Максим перечитал заметку трижды. Руки дрожали. Он смотрел на слова «1955 год». В 1955-м — ещё одна смерть. Ещё один выпускник. Ещё одна ночь.

Он вспомнил письмо Дмитрия Соболева: «Я узнал правду о 1975 годе». А в 1975-м писали о 1955-м. Значит, в 1955-м кто-то писал о 1935-м. Цепь. Двадцатилетний цикл. Каждые двадцать лет — смерть ученика в ночь выпускного.

Максим сжал газету в руках. Он нашёл подтверждение. Это была не случайность. Это была система.

Он хотел перелистнуть ещё несколько страниц, чтобы найти что-то о 1955 годе, как вдруг услышал звук.

Шаги. Где-то наверху, на лестнице.

Максим замер. Телефон в руке дрогнул. Он быстро выключил фонарик и затаился в темноте. Сердце билось где-то в горле. Он слышал, как кровь стучит в висках.

Шаги приближались. Кто-то медленно спускался по лестнице. Ступени скрипели под весом. Максим прижался спиной к стене, стараясь дышать как можно тише. Он не видел, кто это. Только слышал шаги.

Они стали громче. Кто-то был уже на нижней площадке. Максим сжал телефон в руке, готовясь к любому повороту.

Шаги остановились. Тишина. Только вентиляция гудела где-то в трубах.

Потом голос:

— Максим Андреевич? Это вы?

Он узнал его сразу. Виктор Сергеевич.

Максим не ответил. Он не знал, что сказать. Он не знал, почему Виктор здесь. И он не знал, можно ли ему доверять.

Шаги снова раздались. Они прошли мимо его укрытия, в двух метрах от него. Максим слышал, как Виктор дышит — тяжело, с надрывом. Он слышал, как тот шаркает ногами по бетонному полу. Он слышал, как тот остановился у соседнего стеллажа.

Тишина. Потом снова шаги. Они начали удаляться. Подниматься по лестнице.

Максим ждал. Он не выдыхал, пока не услышал, как дверь наверху закрылась. Только тогда он позволил себе выдохнуть. Он прислонился головой к холодной бетонной стене и закрыл глаза.

Виктор был здесь. Он искал его. Или искал что-то другое.

Максим открыл глаза и включил фонарик. Он посмотрел на газету в руках. Заметка о Сергее Волкове. Имя, которое теперь стало частью цепи.

Он убрал газету в сумку и медленно поднялся по лестнице. Дверь наверху была закрыта. Он толкнул её — она открылась. В коридоре никого не было. Только пустота и запах старого линолеума.

Максим вышел из школы и остановился на крыльце. Солнце клонилось к горизонту, бросая длинные тени. Он посмотрел на небо. Оно было чистым, голубым, без единого облака. Июнь. Лето. Обычный день.

Но он знал, что этот день больше не будет обычным.

Он нашёл цепь. Теперь ему нужно было найти начало.

Глава 4

Время: 24 июня 2025, 19:00

Место: Великие Луки, кафе «Старый город», ул. Ленина

Максим пришёл в кафе за пятнадцать минут до назначенного времени. Он выбрал столик у окна, откуда был виден вход. Заказал чёрный кофе и сел ждать. Кофе остыл за десять минут — он даже не притронулся к нему. Просто смотрел на дверь, на прохожих за стеклом, на машины, проезжающие по улице Ленина. Город жил своей обычной жизнью. Люди возвращались с работы, шли в магазины, сидели на лавочках. Никто не знал, что он ждёт встречи, которая может всё изменить.

Она вошла без пяти семь. Нонна Григорьевна Фомина. Ей было семьдесят восемь лет, но она держалась прямо, с достоинством. Чёрное пальто, несмотря на жару. Тёмные волосы, собранные в пучок. В руке — трость с резиновым наконечником. Она двигалась медленно, но уверенно. Максим встал, когда она подошла к столику, и помог ей сесть. Она кивнула в знак благодарности, но не улыбнулась.

— Зачем вы меня позвали, Максим Андреевич? — голос у неё был сухой, без интонаций.

Он сел напротив. Посмотрел на неё. В её глазах он видел усталость, но не слабость. Она не боялась его. Она боялась

чего-то другого.

— Я нашёл акт о смерти Дмитрия Соболева, — сказал он прямо. — И письмо. Он пишет про 1975 год.

Нонна Григорьевна замерла. Её лицо дрогнуло на секунду, но она взяла себя в руки. Она опустила глаза на стол, провела пальцем по краю чашки, которую официант поставил перед ней, когда она села. Она не пила. Просто смотрела.

— Не лезьте, — сказала она. — Это не ваше дело.

— Это моё дело, — ответил Максим. — Алексей Громов умер. Я был там. Я видел его лицо. Я видел, как он лежал на полу. Я пытался его реанимировать. И ничего не вышло.

Она молчала. Долго. Потом тихо, почти шёпотом, сказала:

— 1975 год. Сергей Волков. Он тоже был учеником. Также писал письмо. Также умер в ночь выпускного.

— Я знаю. Я нашёл газетную заметку.

Она подняла на него глаза. В них мелькнуло что-то — страх? Сожаление?

— И в 1955 году, — продолжила она. — Николай Воронов. Также. И в 1935-м. Пётр Морозов. Они все умирали. Все в одну ночь. Все от остановки сердца.

— Что случилось? — спросил Максим. — Что это за цепь?

Нонна Григорьевна посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Потом перевела глаза на окно, на улицу. Там, за стеклом, вечерний свет падал на асфальт. Прошла женщина с коляской. Проехал велосипедист.

— Есть те, кто знает, — сказала она тихо. — Но они молчат. И вы будете молчать, если дорожите жизнью.

— Я не могу молчать. Я видел Алексея. Я держал его руку. Он был моим учеником. Вы понимаете? Он был моим учеником два года. Я знал его. Он сидел на первой парте. Он никогда не поднимал руку, но всегда делал домашние задания. Он был тихим, незаметным. А теперь он мёртв. И я хочу знать почему.

— Я сожалею об Алексее, — сказала Нонна Григорьевна. — Но это не ваша война. Это не ваше дело. Вы не знаете, с кем имеете дело. Вы не знаете, на что способны эти люди. Они не остановятся ни перед чем.

— Кто? — спросил Максим. — Кто эти люди?

Она посмотрела на него. В её глазах была тоска. Глубокая, старая тоска, которая копилась десятилетиями.

— Я не могу сказать. Я не имею права. Я уже сказала слишком много.

Она поднялась. Максим тоже встал, хотел помочь ей, но она отмахнулась.

— Оставайтесь, — сказала она. — Я уйду одна.

Она развернулась и пошла к выходу. Медленно, опираясь на трость. Максим смотрел ей вслед. Её чёрное пальто мелькнуло в дверях, и она исчезла. Он стоял, глядя на пустой дверной проём.

Он хотел пойти за ней, но что-то остановило его. Он опустил глаза на стол. Под чашкой с остывшим кофе лежала ма-

ленькая бумажка. Сложенная вчетверо. Белая, чистая.

Он не видел, когда она положила её. Но она была там.

Максим взял бумажку, развернул. На ней был написан адрес: «ул. Ленина, 54, кв. 12». И подпись, сделанная дрожащей рукой: «Там есть ответы. Но будьте осторожны».

Он сжал бумажку в кулаке. Посмотрел на дверь, где скрылась Нонна Григорьевна. Она знала. Она знала больше, чем говорила. Но она боялась. Боялась настолько, что не могла сказать правду даже в кафе, даже когда никто не слышал.

Она дала ему адрес. Но не сказала, что там.

Максим убрал бумажку в карман. Вышел из кафе. Улица Ленина была всё такой же спокойной, вечерней. Он посмотрел в сторону адреса. Четыре минуты пешком.

Он пошёл туда.

Глава 5

Вре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.